
ТИХАЯ ВОДА
ВАЛЕНТИНА ЛИХО
16+

Валентина Лихо

Тихая вода

https://litres.ru/74716182
SelfPub; 2026

Аннотация

В северном посёлке Туманный Ника ждёт возвращения мамы и слушает старую кассету с её голосом. Отец избегает вопросов, а мамины сапоги всё ещё стоят в прихожей.

Однажды ночью на записи звучат слова, которых раньше не было: «Ты дверь не открывай. Даже если я попрошу».

Вскоре за дверью раздаётся знакомый голос, а на полу появляются мокрые следы. Чтобы узнать, что скрывает отец, Ника отправляется к старой станции. Там, под землёй, кто-то умеет говорить голосами самых близких.

«Тихая вода» — мистический триллер о памяти, утрате и надежде, которая заставляет нас отвечать, даже когда нужно молчать.

Содержание

Глава первая. Голос 4
Глава вторая. Мокрые следы 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Валентина Лихо
Тихая вода

Глава первая. Голос

В посёлке Туманный зимой темнело ещё до того, как Ника успевала вернуться из школы. Потом она перестала замечать и эти несколько бледных часов. Утром за окном горел фонарь. Вечером горел тот же фонарь, и снег летел мимо него почти горизонтально.

На кухне дребезжал холодильник. Если прижать ладонью его дверцу, дребезг исчезал, оставалось ровное гудение. Ника иногда стояла так, пока грелся чайник. После маминого

отъезда она стала слышать в квартире много лишнего: трубы за стеной, соседский телевизор, отцовские шаги, которые теперь задерживались перед её комнатой.

В тот вечер на столе лежала раскрытая тетрадь по математике. Поверх неё — кассета. Ника вставила карандаш в белое зубчатое колёсико, подтянула провисшую ленту и вернула кассету в магнитофон.

Раньше мама мешала делать уроки: спрашивала, будет ли она чай, просила подать книгу, начинала рассказывать что-нибудь посреди задачи. Ника сердилась, зажимала уши. Теперь она оставляла дверь кухни открытой. Из коридора было видно вешалку, а если кто-нибудь поднимался по лестнице, слышно становилось заранее.

В школе её спрашивали, когда вернётся мама. Первое время Ника отвечала: скоро. Потом научилась пожимать плечами и сразу говорить о другом. Она боялась, что однажды кто-нибудь переспросит при отце, а он назовёт срок, совсем не похожий на «скоро».

Щёлкнула кнопка. Зашуршало.

— Никуш, ну выключи. Я сейчас всё перепутаю.

Мамин голос звучал чуть глуше, чем Ника помнила. Зато ложка звякнула о чашку совсем отчётливо. На записи засмеялась маленькая девочка.

— Ещё раз!

— Ещё раз, — тихо повторила Ника.

Она знала, где мама вдохнёт, где засмеётся, где назовёт

её воробушком. Эти несколько минут почти не менялись оттого, что прошло столько времени. Можно было отмотать и снова оказаться за столом, где стояла мамина чашка.

В замке повернулся ключ.

Ника нажала стоп, придвинула тетрадь. Отец вошёл, не снимая рабочей куртки. От неё пахло холодом и железом.

— Не спишь?

— Математика.

Он посмотрел на пустую страницу. Потрогал батарею под окном, подвинул к Нике тарелку с хлебом. У запястья, между рукавом и краем варежки, темнела мокрая полоска.

— Ты в воду лазил?

— Рукав намочил.

Он поправил манжету. Ника ждала, что спросит про магнитофон. Отец только провёл пальцем по клеёнке, собирая крошки.

В прихожей под вешалкой стояли мамины сапоги. Ника каждый день обходила их, когда обувалась, и каждый день думала: если мама уехала надолго, почему не взяла сапоги?

— Пап… А мама за вещами приедет?

Отец долго расстёгивал молнию.

— Ложись, Ника.

По дороге в комнату она выпрямила один сапог. Он завалился набок, будто кто-то второпях снимал его, придерживаясь за стену.

Ночью Ника проснулась от щелчка.

Холодильник молчал. Из кухни доносился знакомый смех. Она села, нащупала ногами холодный пол. Магнитофон остался на столе. Перед сном она точно выключила его.

Смех вытянулся, замедлился. Потом мама сказала:

— Никуш… Ты дверь не открывай. Даже если я попрошу.

Такого на кассете не было.

Ника остановилась посреди коридора. За входной дверью что-то прошуршало. Ручка медленно опустилась и вернулась на место.

— Ника. Это я.

Голос был мамин. Обычный, немного усталый, словно она вернулась с тяжёлой сумкой и никак не могла найти ключ.

Ника протянула руку к замку.

— Мам?

Чья-то ладонь накрыла её пальцы.

— Отойди, — сказал отец.

Он был босиком. Очень осторожно отвёл Нику за спину и приложил палец к губам. В глазок смотреть не стал.

За дверью послышался тяжёлый шорох. Так мокрую половую тряпку волокут по камню. Потом — шаг. Ещё один. Между шагами что-то цеплялось за пол.

Ника стиснула край свитера. Отец стоял неподвижно, заслоняя дверь. Под нижним краем показалась капля, повисела и упала. По полу потянулась тонкая мокрая дорожка.

— Ты тоже слышал? — прошептала Ника.

Отец не ответил.

Глава вторая. Мокрые следы

Утром за окном всё ещё было темно. Отец сидел на корточках возле двери и выжимал тряпку в серое ведро.

— Кто приходил?

— Никто.

Он вытер порог. Ника смотрела на сухой пол между его ботинками и дверью.

— С ботинок натекло, — добавил он.

— А голос?

— Плёнка старая. Тянет.

Она хотела сказать, что голос был снаружи. Но отец уже поднял ведро. Вода качнулась почти до края, и он понёс её

в ванную обеими руками.

На скамейке лежала его рабочая сумка. Из-под коричневого кожаного клапана торчала варежка. Ника узнала светлую заплату раньше, чем успела подумать.

Мама зашивала её прошлой зимой. Сидела у лампы, щурилась, вдевала нитку. Ника держала свободный конец, слишком сильно натягивала, и мама смеялась: «Тише, воробушек. Я же не рыбу ловлю».

Теперь заплата была мокрой.

Ника вытянула варежку из сумки. На большом пальце прилипли тёмные крупинки. От шерсти пахло сыростью, как из подвала после оттепели. В ванной перестала шуметь вода. Ника спрятала находку под свитер.

Отец вышел уже в шапке.

— Из дома сегодня никуда.

Она кивнула.

Когда стихли шаги на лестнице, Ника принесла стул в комнату родителей. На верхней полке шкафа, за сложенными простынями, лежал мамин шарф. В него была завёрнута вторая варежка — сухая, мягкая, с таким же коричневым рубчиком на манжете.

Ника положила обе на кровать. От мокрой осталось тёмное пятно.

Рядом с шарфом нашлась коробка. На крышке маминым почерком было написано: «Записи. Строители».

Мама собирала рассказы людей, которые строили посёлок

и станцию. Носила магнитофон по квартирам, спрашивала про первую зиму, про бараки, про дорогу. Дома перематывала плёнки, записывала фамилии. Иногда на одной кассете оказывались и чужие воспоминания, и Никино требовательное «Ещё раз».

В коробке лежали ровные ряды футляров. Под ними — кассета в тетрадном листе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.